

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР ВОЛОВИЧ,

доктор философских наук, профессор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

Болонский процесс и новая парадигма образования в Украине¹

Abstract

In the article, there are discussed crucial problems related to reforming of high education in Ukraine, solution of which would ensure a rise in quality of education and activation of scientific work by professors, post-graduates and students.

The problems are stated in the context of Bologna Declaration requirements on all-European educational standards and formation of common educational space in Europe.

Мы живем в такое время, когда высшее образование во всем мире быстро реформируется и по содержанию, и по форме. Причем изменения форм учебного процесса ныне доминируют. Этот процесс изменения старой формы должен привести к утверждению нового содержания.

Столетиями учебный процесс укладывался в формулу $S \rightarrow O$, где субъектом был преподаватель, а объектом — студент. Сейчас такое соотношение неэффективно. Студент тоже становится субъектом обучения. В новых субъект-субъектных отношениях преподаватель уже не столько учит, сколько помогает студенту учиться самостоятельно. $S \leftrightarrow S$ -отношение — это активное сотрудничество, в результате которого студент обретает знания, умения и навыки, а преподаватель — мастерство. В этих отношениях общим объектом для них является специальность, на которую направлено сотрудничество. Вместе с тем сегодня даже в гуманитарных науках такие отношения опосредованы

---

¹ В основу статьи положен доклад автора на пленарном заседании Всеукраинской научно-практической конференции «Перспективы развития социогуманитарных наук в классических университетах (социология, психология, педагогика)» (Киев, 27–28 мая 2004 года).

общими условиями обучения — современными технологиями как средствами активизации и определения направленности учебного процесса, что превращает классическую дихотомию в трехчленное отношение.

Эту концепцию, которую я описал довольно схематично, американские ученые Роберт Бар и Джон Таг назвали “новой парадигмой высшего образования” [1]. В социологических терминах речь идет об изменении ролей агентов учебного процесса. На студентов перекладывается ответственность за их обучение. Высшее учебное заведение мобилизует студентов, а не просто обеспечивает преподавание, как раньше. Если предыдущая парадигма предусматривала, главным образом, разработку новых программ и курсов и трансляцию их от преподавателя к студентам, то новая предполагает создание атмосферы ответственности, среды, стимулирующей самоподготовку, оценку знаний в начале, в середине и в конце учебного курса (модульные зачеты), работу с каждым студентом. Результатом работы студента будет получение “кредита”¹, который свидетельствует об усвоении им необходимых знаний, умений и навыков, независимо от того, где и каким образом он их получил. Вот почему студент должен быть активным агентом учебного процесса, поиска и накопления собственных знаний.

Согласно новой парадигме, преподаватели, безусловно, создают активную учебную среду для студентов, но сами не обязательно должны быть вовлечены в отдельные формы учебной активности. Главное — сформировать интерес и творческое отношение к обучению, создать для этого соответствующие условия. Именно поэтому западные университеты переходят на круглосуточный доступ к библиотекам, Интернету и другой инфраструктуре обучения для обеспечения самостоятельной работы студентов. Преподаватель, таким образом, выступает скорее в роли не аудиторного “всезнайки”, а тренера, который разрабатывает план игры, упражнения, дает советы и контролирует работу членов команды.

Нужно сказать, что “новая парадигма высшего образования” (научить учиться) отнюдь не нова, а ее идеи — совсем не западные. Я помню разработки и публикации по модульно-рейтинговой концепции обучения кафедры педагогики КГУ, когда ее возглавлял профессор А.Алексюк еще в 1970–1980-х годах. Однако ни в одном вузе Украины системного воплощения она не получила и не могла получить в условиях тотальной регламентации учебного процесса, которой эта концепция противоречит по сути.

В европейских странах реформирование высшего образования осуществляется давно и системно. Этому способствует демократический строй этих стран и демократизм в образовании. Но в разных странах результаты институционального воплощения новой образовательной парадигмы разные. Процесс реформирования высшего образования, охвативший Европу, называют Болонским процессом. Он предполагает шесть целей для достижения единого по смыслу и качеству европейского образования: введение двухциклового обучения; внедрение кредитной системы организации учеб-

---

¹ Кредит (credit) — норматив, который устанавливает минимальное количество учебных часов для изучения отдельного предмета (например, 54 учебных часа в Украине); это предполагает документальное фиксирование его аудиторной и самостоятельной работы. Согласно ECTS (Европейская кредитно-трансферная система), учебная нагрузка студента в течение одного года составляет 60 кредитов.

ного процесса; формирование системы контроля качества образования; увеличение мобильности студентов и преподавателей; обеспечение трудоустройства выпускников на европейском рынке труда; достижение привлекательности европейской системы образования.

Для Украины Болонский процесс — это не мода, не заигрывание с Европой, как нередко пишут у нас. Это — жесткая необходимость в условиях быстрой деградации нашего среднего и высшего образования. Не осуществив реформ высшего образования по Болонским критериям, мы в итоге сведем свой интеллектуальный потенциал до уровня африканских стран. Министерство образования и науки и высокие чиновники не имеют оснований гордиться удвоением количества студентов в вузах, поскольку в этом случае количество обратно пропорционально качеству их подготовки. Каждый преподаватель, давно работающий в вузе, не может не видеть снижения уровня подготовки студентов в течение последнего десятилетия и профанации образования в целом. Большинство студентов учатся не на уровне современных требований и не из-за потребности в знаниях, а по воле и на средства родителей, купивших место для чада в учебном заведении. На успеваемость (правильнее — неуспеваемость) таких студентов не обращают внимания не только частные вузы, но и государственные, вынужденные идти этим путем из-за ощутимого недофинансирования. Все это обуславливает беспринципность, аморальность в отношениях субъектов учебного процесса, неслыханное ранее снижение требований.

Действующая у нас система обучения в высшей школе устарела. Устарела не сегодня и не вчера. Она была неэффективной уже во время ее создания, то есть более 80 лет назад. Замечу, что речь идет о подготовке гуманитариев, а еще точнее — специалистов-обществоведов. Ситуация в естественных и технических учебных заведениях была иной. Там политическая конъюнктура (например, милитаризация советской экономики) стимулировала развитие и совершенствование учебного процесса, его связь с практикой, и это действительно дало заметные результаты. Построение нового “пролетарского” гуманитарного образования после переворота 1917 года предполагало сознательное игнорирование, а позже и уничтожение всего предшествовавшего образования как “буржуазного”. Многие науки уже тогда (к примеру, социология), отдельные области психологии, биологии, педагогики, философии) были объявлены “лженауками”, а их преподавателей выслали либо за границу, либо в “исправительные” лагеря. Собственно, из всех общественных наук в 1919 году преподавать было разрешено три: историю пролетарской революции, экономическое учение К.Маркса и исторический материализм. Разумеется, бывшим профессорам не могли поручить преподавать такие вещи. Доверили эти идеологические дисциплины бывшим военным комиссарам. С этой целью их срочно “переквалифицировали” в специально созданном Институте красной профессуры и откомандировали в аудитории. Поскольку имевшиеся ранее “враждебные буржуазные” учебники и пособия использовать запрещалось, а новых не было, то лекции бывших комиссаров стали единственным источником “единственно истинного знания”. Отсюда берет начало — сначала как необходимость, а потом и как традиция — доминирование лекции как “основной формы обучения” в течение всех лет советской власти. Отсюда и понимание роли преподавателя как транслятора “взвешенного” знания, и сознательное пренебрежение самостоятельной работой студентов. И сейчас еще в независимой Украине, даже в университетах с автономными

правами, бытует поразительный удельный вес аудиторных занятий: 50% учебного времени (до 2003 года — 70%), то есть — 2-часовые лекции и 2-часовые (!) семинарские занятия (предполагающие с полдесятка концептуальных вопросов для обсуждения). Разумеется, на таком занятии преподаватель обречен опять доказывать правильность того, что он преподавал на лекциях, а студенты — пассивно участвовать или просто наблюдать. А ведь в библиотеках уже достаточно профессиональной литературы (отечественной и зарубежной), студенты имеют возможность пользоваться Интернетом, к их услугам мировой опыт, немало преподавателей, стажировавшихся за границей, и т.д. Однако среди руководителей наших вузов все еще бытует мнение о необходимости “здорового консерватизма в образовании”, о “природной консервативности образования”. Но, как признает министр МОН В.Кремень, “у нас оно консервативно даже в квадрате или даже в кубе” [2]. Одним словом, присоединение к Болонскому процессу нам необходимо как стимул, рычаг и программа реформирования крайне отсталого от современных стандартов нашего высшего образования.

Пять лет назад (в 1999-м) в Болонье было подписано соглашение в русле “Великой хартии европейских университетов”. Среди 29 стран, подписавших это соглашение, не было Украины. По этому соглашению до 2010 года в странах Европы, подписавших соглашение, должно сформироваться единое образовательное пространство. Это своего рода ЕС в образовании, или единое образование Евросоюза. Как результат — взаимное признание дипломов (евродиплом), не ограниченное юридически трудоустройство в Европе, единые образовательные стандарты по специальностям, делающие возможной образовательную миграцию студентов в европейские страны. На конференцию стран-участниц Болонского процесса (сейчас их около 40, в том числе Россия), которая должна состояться в мае 2005 года, приглашена и Украина для подписания межгосударственного соглашения о присоединении. Правительство Украины до конца текущего года должно определить свою позицию, и мы будем иметь возможность убедиться в его евроинтеграционных намерениях. Для этого нужно осуществить ряд важных изменений: ликвидировать степени “специалиста” и “кандидата наук”, 4-уровневую систему аккредитации высшего образования (исключить из нее техникумы) и т.п. Но это — не самые существенные проблемы. Главное — перейти на модульно-кредитную систему обучения, создать единую систему взаимозачетов как по периодам, так и по объемам обучения, внедрить европейское измерение образования в учебных планах, программах, в сочетании обучения, исследовательской работы и практики. А это означает радикальную реформу учебного процесса, к которой руководство наших вузов в большинстве своем не готово.

Сегодня можно услышать и в вузах, и в МОН от руководителей-чиновников разного уровня, что наше образование очень хорошее, что нам Европа — не образец, что мы имеем достижения не хуже и т.д. Прочитую одно из руководств нашего наиболее престижного университета: “Наша система обучения фактически отвечает канонам Болонской декларации. Я не согласен с тем, что система “кредитов” обязательно будет стимулировать студентов лучше овладевать знаниями. Акцент нужно ставить на улучшении содержательности обучения, компьютерных технологиях, организации самостоятельной подготовки” [3]. Параметры названы правильные, и тем не менее это — лукавая фраза, поскольку кредитно-модульная система именно

это и предусматривает, то есть она вводится непосредственно для технологического обеспечения содержательности и самостоятельности обучения, является их условием.

Почему большинство руководителей вузов прохладно относятся к Болонскому процессу, можно понять. Введение системы академических кредитов ECTS (Европейская кредитно-трансферная система) предполагает изменение учебных планов, программ, переориентацию учебного процесса на самостоятельное обучение студентов, на их собственную научно-исследовательскую деятельность, активизацию работы преподавателей, индивидуальный подход, демократизацию всего процесса обучения, всего образования. За этим стоит изменение форм работы, объемов нагрузки, форм стимулирования преподавателей, повышение их социального статуса, расширение прав.

Кому это нужно? Государству? — Да! Но не тем чиновникам от образования, которые не умеют и не хотят работать по-новому, переобучаться, которые привыкли руководить авторитарно, получив в последнее десятилетие такие права, которых не имели за всю историю отечественных университетов. Не нужно это сегодня и профессуре, ведь тогда придется интенсивно работать с каждым студентом, иметь собственные пособия, вести собственные семинары, практические работы, организовывать и контролировать самоподготовку студентов и т.п. Они знают, что объем педнагрузки им не уменьшат, штатного помощника не предоставят, времени для написания пособий и монографий не запланируют, научные командировки в западный университет не оплатят, зарплату существенно не повысят и т.д.

Не нужно это и рядовым студентам, ведь им в первую очередь придется как следует выучить английский язык, отработать не менее 200 (бакалавры) или 240–300 (магистры) кредитов, то есть сдать и подготовить ежегодно более 60 зачетов и экзаменов, включая курсовые работы, контрольные, рефераты, “пройти” неоднократно индивидуально “через преподавателя”, которого сегодня студенту достаточно увидеть всего раз — на экзамене (кстати, речь идет о 3-часовом письменном экзамене, где студент может списать ответ из справочника, даже не понимая написанного, а преподаватель обязан поставить ему положительную оценку).

Я сказал, что европейское пространство высшего образования нужно нашему государству. Как с точки зрения здравого смысла, так и учитывая позицию министра МОН В.Кременя [см.: 4], директивы совещания ректоров отраслевых вузов, мнения отдельных ученых. Но я не уверен, что Украина в следующем году присоединится к Болонскому соглашению или будет выполнять его. К сожалению, противников европейского направления высшего образования у нас хватает. Наиболее полно их позицию представил в прессе советник Президента Украины, академик НАНУ, экс-вице-премьер КМ В.Семиноженко. Анализируя итоги совещания ректоров технических вузов (Харьков, 17–19 марта 2004 года) в статье “Образование и национальные интересы: выбор траектории” [см.: 5], он ставит под сомнение целесообразность участия Украины в Болонском процессе, по крайней мере безоговорочно, без учета собственного, а не европейского интереса, на который якобы будет работать тогда Украина. У него вызывает “настороженность” направленность МОН на европейские образовательные стандарты. Постулаты, на которые опирается его скептицизм, весьма просты, но неубедительны.

Во-первых, утверждает академик, наше образование всегда ориентировалось на качество, тогда как европейское “носило социальный характер”. Этот

тезис господин Семиноженко аргументирует так: Украина (в составе СССР) еще в 1960-е годы боролась со США за лидерство в космосе, в атомных технологиях и других отраслях. А Европа переживала “кризис качества технического образования”. Если это так, то почему мы (как и когда-то СССР, а ныне Россия) отстали от Европы именно в наукоемких технологиях и технике, почему атомная катастрофа случилась у нас, а не в Европе? Почему, опираясь на “качественное образование” и “передовую науку”, мы имеем несравненно низший уровень жизни, разве они не являются основой интеллектуального потенциала — главной движущей силы экономического развития? Или, может быть, наука перестала быть производительной силой? Пусть же ответит господин академик: в каких науках мы открыли фундаментальные законы Иваненко, Петренко или Семиноженко? А может, хоть кто-то из наших научных корифеев стал лауреатом Нобелевской премии?¹

Второй тезис В.Семиноженко таков: Европа нам — не образец, поскольку там “допустили ошибку”, создав “эффективную структуру экономики, не обеспечив соответствующим количеством специалистов”. По моему мнению, этот тезис не заслуживает опровержения, разве что академику известны способы создания эффективной экономики без соответствующего количества специалистов. Аргументируя этот тезис, он прибегает к метафоре: в Европе “есть двигатель, но нет горючего. А у нас, наоборот, есть горючее — специалисты, интеллектуальные ресурсы, а двигатель — экономика — только формируется”. Возникает вопрос: зачем же надо было производить горючее, не имея двигателя? Может, именно потому, что для создания двигателя не было соответствующего интеллектуального потенциала? А может, потому, что качество этого потенциала было не то? Освоение космоса здесь не является аргументом. Ракеты, как известно, советские ученые создавали и в колониях ГУЛАГа, и в особых “тепличных” условиях. Они стали результатом аномальной концентрации научно-технического потенциала, направленного на гонку вооружений именно ценой необеспеченности “эффективной структуры экономики”.

Третий тезис В.Семиноженко гласит: Европа хочет использовать наш научный и образовательный потенциал (через Болонский процесс), чтобы разрешить собственные проблемы, подготовить для Европы конкурентоспособных специалистов в Украине. Миграция наших специалистов уже се-

---

¹ Возьму на себя смелость утверждать, что в наших университетах никогда не будет лауреатов Нобелевской премии, а ведь только в одном Мюнхенском университете их 9 [см.: 6]. Не будет их до тех пор, пока наши университеты и академические институты будут существовать обособленно, ограничивая тем самым уровень преподавания (ознакомления студентов и аспирантов с новейшими достижениями науки) и привлечения талантливой молодежи к фундаментальным исследованиям. Создание единого Министерства образования и науки ничего не дало для их сближения. Приведу всего один пример “рационального” планирования государством подготовки научных кадров высшей квалификации. В Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко обучаются 1600 аспирантов. В десятках академических институтов — в несколько раз меньше. В 2004 году прием аспирантов на факультет социологии и психологии составлял 30 человек, а в Институт социологии НАНУ, где работает вдвое больше докторов наук, — 3. Болонская декларация, кстати, предусматривает не только создание Европейского пространства высшего образования (EHEA), но и гармоничное соединение его с Европейским пространством исследований (ERA).

годня служит подтверждением этого. А это, по его мнению, противоречит нашим национальным интересам.

Здесь академик противоречит сам себе. С одной стороны, он невольно признает, что переход на европейские стандарты в образовании будет способствовать повышению уровня подготовки специалистов, поскольку делает их конкурентоспособными в Европе. Но это, оказывается, плохо для Украины, ведь создает условия для их эмиграции. “Национальные интересы Украины, — пишет он, — отнюдь не сводятся к трудоустройству своих специалистов на Европейском континенте”. То есть пусть будут хуже, зато будут сидеть дома. Пожалуй, с позиций академического ученого и государственного деятеля трудно понять, что в эмиграцию наших специалистов выталкивает не высокий уровень подготовки, а низкий уровень жизни, что они должны благодарить нашу власть, в которой не последнее место занимал и занимает господин Семиноженко. В том, что наше “горючее” утекает в “европейский двигатель”, виновна действующая власть, в частности и В.Семиноженко, и как правительственный чиновник, и как ученый. Отсюда и своеобразная логика его рассуждений. Что касается потерь государства от эмиграции наших специалистов (80% с высшим образованием), то, как сообщила Н.Карпачева в докладе на заседании Верховной Рады 2003 года, ежегодно Украина получает от этих эмигрантов из Европы 2,46 млрд долларов США, что соответствовало 20% прошлогоднего госбюджета нашей страны [7]. Разве этот капитал не создает спрос на внутреннем рынке и тем самым не стимулирует производство? И не в этом ли одна из причин победных реляций нашего правительства по поводу темпов роста экономики?

Вывод академика Семиноженко таков: без учета наших национальных интересов в образовании присоединение к Болонскому протоколу “может принести печальный результат”. Отсюда и упрек в адрес МОН относительно понимания им государственных интересов в образовании, которое не может быть “унифицировано” и “усреднено”. “Усредненное образование” (то есть приведенное к европейским стандартам) — “это, скорее, безвозвратные затраты, а не инвестиции”. Тут В.Семиноженко попал, как говорится, пальцем в небо, поскольку именно нынешнее наше образование и является усредненным и по своей ориентации на заурядного специалиста, и по способам обеспечения этой заурядности.

Усреднение нашего образования происходит, прежде всего, путем его жесткой регламентации. Регламентируется все — от норм поведения преподавателей и студентов, набора дисциплин и форм занятий, объемов и форм педнагрузки, соотношения количества студентов и преподавателей, объемов часов на изучение курса и его контроль, сроков сдачи и пересдачи экзаменов и зачетов до структуры и содержания лекций, семинаров и курсовых работ, учебников и пособий, научно-методических разработок и т.д.

Первым нормативным документом, “усредняющим” учебный процесс, является учебный план по специальности. Он предполагает ежегодный график учебного процесса во времени и стандартный для всех вузов Украины. Учебный план содержит перечень всех дисциплин, которые изучаются студентами в течение учебы, и обязательный объем часов на каждую из них, формы и время занятий и формы контроля их усвоения и т.д. Для всех вузов учебный план имеет стандартный объем часов независимо от специальности по уровню квалификации. Для подготовки бакалавров он составляет более 7,5 тыс. часов, для специалистов и магистров — 8,5–9,0 тыс. часов. Все

учебные планы утверждаются высокими чиновниками МОН и ректором вуза. Никто не имеет права отступать от них под угрозой лишения лицензии на подготовку специалистов или неаккредитации вуза. Правда, в учебном плане предусмотрено небольшое количество часов на дисциплины по выбору конкретного вуза и студентов, но, как правило, их не используют либо из-за отсутствия преподавателей узкой специализации, либо из-за отсутствия средств на их оплату.

Далее учебный процесс усредняется регламентом Образовательно-профессиональной программы (ОПП). Она является официальным государственным образовательным стандартом специальности и также обязательно утверждается к выполнению для каждого вуза Украины отдельно. ОПП выдвигает требования к подготовке специалиста определенного уровня квалификации, определяет объемы часов на отдельные учебные курсы и их содержание (!) путем его аннотирования.

Третьим документом, регламентирующим учебный процесс, является образовательно-квалификационная характеристика (ОКХ). Она содержит конкретные требования к преподавателям и студентам, нацеливает их на изучение и усвоение списка стандартных знаний, умений и навыков по специальности.

Впрочем, этими документами унификация учебного процесса не ограничивается. Есть еще обязательные программы учебных курсов, рабочие программы преподавателя, есть требования к вузу относительно необходимого количества и квалификации преподавателей, лицензированные объемы набора студентов на 1-й курс и в магистратуру, относительно необходимой материально-технической базы учебного заведения (МТБ УЗ) и многие другие. Наконец унифицированные вузы выдают единый государственный диплом независимо от их профессорско-преподавательского потенциала и юридического статуса.

Нельзя сказать, что все эти требования не нужны только потому, что они унифицируют вуз и отсутствуют в западных университетах. Сейчас они нужны как некий формальный барьер для окончательной профанации высшего образования учебными заведениями, которые не имеют ни достаточного количества квалифицированных преподавателей, ни соответствующей МТБ и инфраструктуры учебного процесса, ни даже какого-либо образовательного опыта, но имеют большое желание заработать на конъюнктурном спросе на дипломы по престижным специальностям. Ведь не секрет, что большинство из двух сотен вузов негосударственной формы собственности (созданных в течение одного десятилетия!) не соответствуют не только европейскому уровню, но и уровню обычных государственных учебных заведений.

На Западе картина иная. Ни один европейский университет не похож на другой. Частные среди них нередко лучше государственных. Когда говорят о европейских образовательных стандартах, имеют в виду не их унифицированность, а образцовость, высокое качество подготовки специалистов и их профессионализм.

В чем же заключается отличие нашей системы подготовки специалистов от западной? Первое и главное отличие, на мой взгляд, — это разное понимание ответственности и требовательности в учебном процессе. Представьте себе, что наш требовательный преподаватель выставил на экзамене половину неудовлетворительных оценок в группе студентов (часто они этого заслуживают). Что ждет его после этого? Кроме неоплаченного времени,

израсходованного на переэкзаменовку студентов (форма работы, неизвестная в Европе и США), непонимания и иронии коллег и оргвыводов руководства, его принципиальность, в случае повторения таких случаев, как правило, заканчивается увольнением по другому поводу. Работники образования, вышедшие из социализма, уже приспособились к поистине странной практике обязательной раздачи дипломов всем студентам. А потому, находясь однажды в командировке в университете города Констанц (ФРГ), я был удивлен тем, что из 86 первокурсников, которые хотели стать психологами, до защиты диплома дошли всего 18. Поинтересовавшись, я узнал, что это типичная “норма” в Германии: в любом вузе по любой специальности диплом получает один из пяти студентов, которые начинали обучение. И что любопытно — немецкие студенты изучают вдвое меньше дисциплин, чем наши. Моему удивлению, в свою очередь, удивлялись немецкие коллеги, ведь это естественно, что не каждый человек способен получить настоящее высшее образование. Наши “достижения” заключаются именно в том, как организуется учебный процесс и какие требования предъявляются при этом к преподавателям и студентам. Добросовестное отношение к труду предполагает соответствующую организацию обучения, соответствующие формы его осуществления.

Наши учебные планы содержат около 80 учебных дисциплин, которые в объеме 10–12 изучают одновременно каждый семестр. Одновременное преподавание такого количества дисциплин при отсутствии текущего контроля их изучения не способствует систематической работе студентов, распыляет внимание, снижает мотивацию и ответственность. Отложенная до сессии необходимость сдавать зачеты и экзамены (даже по учебным курсам объемом 18 часов!) учитывая отсутствие модульного контроля [4]¹ не только формирует у студентов равнодушное отношение к занятиям и их посещаемости, но и преподавателей лишает возможности дидактического и воспитательного влияния для активного и полноценного усвоения курсов студентами.

В западных университетах в течение года изучают 3–4 базовые дисциплины, которые имеют большое количество кредитов (15–18). В наших университетах, где базовые дисциплины составляют 30%, их усвоение контролируется не более двух раз в год — в конце семестра. По форме и времени контроля они не отличаются от других 70% учебных курсов объемом от 18 до 72 часов. Здравый смысл подсказывает, что успешность студентов по кредитам можно адекватно оценивать, экономя при этом время благодаря проведению семестровых экзаменационных сессий по результатам усвоения курсовых модулей, написанных рефератов, докладов и других контрольных работ. Сессия же может служить студентам, претендующим на получение высшей оценки путем сдачи комплексного итогового экзамена. Именно такая практика распространена в западных вузах. Конечно, в разных учреждениях формы оценки не всегда одинаковы, но они всегда адекватны.

Вот типичный пример оценки успешности усвоения учебного курса в западном университете. В начале семестра студент получает план изучения курса, в котором уже предусмотрен поэтапный контроль его усвоения. В течение семестра студент сдает два текущих экзамена и один итоговый в конце

---

¹ Модуль — блок проблемно структурированных вопросов учебного курса (дисциплины), которые выделяют для оценочного контроля знаний студента в течение семестра.

курса. Кроме того, оценивается работа студента на занятиях и — отдельно — посещаемость. В рамках курса он выполняет 1–2 научно-исследовательские работы или курсовую работу. Такие требования не допускают исключений, выполнение их документально фиксируется, итоговая оценка всегда является заслуженной. Продолжительная болезнь или другие уважительные причины, на которые часто ссылаются наши студенты, добиваясь ослабления требований, во внимание не принимаются. Студент имеет право на сдачу экзамена лишь при условии полного выполнения учебного плана. Выполнив учебный план по конкретной дисциплине, он может сдать экзамен в любом семестре.

В Европейских университетах самостоятельная работа — это основная форма занятий студента. На 1–2 курсах на нее приходится, как правило, вдвое больше времени, чем на аудиторную. На 3–4 курсах соотношение аудиторных и самостоятельных часов работы уже достигает 1 : 4. Фактически самостоятельная работа — это вся учебная работа студента, кроме двух-трех ежедневных аудиторных занятий по 50 минут на младших курсах. Именно поэтому центром студенческой жизни является библиотека, работающая круглосуточно без выходных дней.

Нормативные документы нашего МОН с 2002/2003 учебного года требуют 30-часовой аудиторной работы в неделю (раньше было 36). Это предусматривает соотношение аудиторных и самостоятельных часов 1:1, но и оно нарушается в пользу аудиторных часов.

До 2003 года учебные планы требовали 2/3 учебного времени расходовать на аудиторные занятия. А треть времени, которая приходится на самостоятельную работу, ни в каких формах не контролировалась. Не контролируется она фактически и теперь. Отсутствие письменных форм контроля самостоятельной работы студентов привело к тому, что не только наши студенты, но и аспиранты не умеют писать научные тексты. Я имею в виду не распространенную ныне языковую безграмотность, а неумение сформулировать свои мысли, аргументировать свою позицию, сделать анализ, обосновать выводы.

Увеличивая время самостоятельной работы за счет аудиторной (это разумный подход!), МОН надеялось на стимуляционную, как и в Европе, инъекцию в учебный процесс. На самом же деле для вузов это оказалось обычной “клизмой”, поскольку никакого дополнительного финансирования на эти изменения никто не дал, введения кредитно-модульной системы никто не требовал, а без этого переструктурировать учебный процесс просто невозможно. Нужно вводить другие формы педагогической работы и вносить изменения в педнагрузки преподавателей. Прежде всего необходимо определить модули учебных курсов и согласовать их с кредитами времени, то есть определить оптимальные затраты учебного времени студента на надлежащее изучение материала; разработать методику расчета педагогической нагрузки преподавателей в условиях кредитно-модульной системы организации учебного процесса. Разумеется, этому должны предшествовать разработка и принятие соответствующих нормативных актов для высшей школы, разработка новой и совершенствование имеющейся системы текущего и итогового оценивания знаний студентов.

Простые расчеты показывают, что увеличение времени на самостоятельную работу студентов, а следовательно, и на ее контроль путем соответствующих форм занятий предполагает увеличение часов педнагрузки, а от-

сюда — увеличения ставок преподавателей, особенно ассистентов. (Кстати, соотношение профессоров (доцентов) и ассистентов на наших кафедрах прямо противоположно европейскому.) Это также является одной из причин игнорирования новаций.

Не имея финансирования (а заодно и желания) для реформы учебного процесса в соответствии с требованиями МОН, вузы ограничились палиативными мероприятиями, или изменениями на бумаге. А некоторые вузы, сокращая аудиторные часы, начали сокращать педнагрузки преподавателей, за чем маячила угроза их сокращения, частично реализованная.

Похоже, что ныне в Украине ситуация с готовностью к Болонскому процессу неблагоприятная, разве что отдельные вузы приблизились к европейским стандартам организации учебного процесса, начиная с организации вступительных экзаменов до организации подготовки магистров. Но ни вузы, ни МОН их опыта не пропагандируют. Вопрос “почему” для опытных преподавателей риторический.

Необходимость и неизбежность внедрения европейских стандартов высшего образования в Украине для нашей научной и образовательной элиты и руководства государства, кажется, пока что должным образом не осознаны. Болонский процесс — это путь к развитию, не требующий оговорок, ибо сегодня он предстал как фактор общей мировой тенденции глобализации. Это путь совместной деятельности европейских стран, ведущий к согласованной системе образования и Общевропейскому пространству научных исследований, что должно привести к их подъему. Европейская интеграция и, в итоге, вступление Украины в ЕС в значительной мере зависят от приближения нашего высшего образования к европейским, а значит, и к мировым стандартам. Этот шаг будет означать практическое воплощение и необратимость европейского выбора Украины. Практическая реализация требований Болонской декларации быстро обернется использованием научно-образовательного пространства Европы с его структурами дополнительного финансирования, усилением профессиональной мобильности преподавателей, аспирантов и студентов, подготовит скачок в качестве отечественной подготовки специалистов и качестве отечественных научных исследований.

Литература

1. Bar R.B., Tagg J. From Teaching to Learning. A New Paradigm for Undergraduate Education // Change. — 1995. — November–December. — P. 13–25.
2. Кремень В.Г. Від педагогіки авторитаризму — до дітоцентризму // День. — 2003. — 20 лютого.
3. Україна молода. — 2004. — 25 березня.
4. Кремень В. Болонський процес: зближення, а не уніфікація // Дзеркало тижня. — 2003. — 13 грудня.
5. Семіноженко В. Освіта та національні інтереси: Вибір траєкторії // День. — 2004. — 1 квітня.
6. Ludwig Maximilians Universität München. — München, 1972. — S. 85.
7. Карпачова Н.І. Стан дотримання та захисту прав і свобод людини в Україні. — www.ombudsman.kiev.ua/d1-zm.htm.